

УДК 328

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-81-90

**ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ**

**POSSIBILITIES OF PUBLIC CHOICE THEORY IN STUDIES OF
PARLIAMENTARISM IN POST-SOVIET COUNTRIES**

*Т. Т. Шаболотов, Жогорку Кенеш (Парламент) Кыргызской Республики,
г. Бишкек
shatt05@mail.ru*

T. Shabolotov, Jogorku Kenesh (Parliament) of the Kyrgyz Republic, Bishkek

Рассматривается возможность использования методологии теории общественного выбора в исследованиях парламентаризма и политических процессов в целом в постсоветских странах. Представлена концепция «экономического человека», позволяющая моделировать политическую сферу как политический рынок, к которому применяется инструментальный анализ условий и характеристик равновесия. Описаны мотивы политического поведения: мотив потребления и инвестиционный мотив. Определена методологическая задача, состоящая в характеристике конкретных аспектов приложения модели экономического человека для анализа поведения субъектов принятия политических решений. Рассматривается конституционная политическая экономия, в которой анализируется не традиционный выбор человека в рамках существующих ограничений, а рациональный выбор самих ограничений в виде конституционных правил. Дано понятие «лоббирование» и рассмотрены «модели всеобъемлющей рациональности». Представлен дуализм, в соответствии с которым позитивистский взгляд на функционирование политической сферы общества предполагает наличие институциональной системы, трансформирующей эгоистические мотивы поведения субъектов в альтруистические. Но взгляд реалистический исходит из моделей политического поведения, сосредоточивающихся на эгоистической мотивации поведения. Этим доказано, что модель экономического человека в определённых условиях более реалистична при рассмотрении поведения политических субъектов

Ключевые слова: парламентаризм; методология; стратегии исследования; подходы; теория общественного выбора; лоббизм; эгоизм; альтруизм; позитивизм; рациональность

The article examines the possibility of using the methodology of public choice theory in studies of parliamentarism and political processes in general in the post-Soviet countries. The concept of “economic man” is considered, which allows to model the political sphere as a political market, to which the instrument for analyzing conditions and characteristics of equilibrium is applied. The motives of political behavior are described: motive of consumption and investment motive. A methodological task is defined, which is to characterize specific aspects of the application of the model of economic man for the analysis of the behavior of subjects of political decision making. Constitutional political economy is considered, in which it is not the traditional choice of a person within the existing limitations that is analyzed, but the rational choice of the restrictions themselves in a form of constitutional rules. The notion of “lobbying” is given and “models of comprehensive rationality” are considered. A dualism is presented, according to which a positivist view of functioning of the political sphere of society presupposes the existence of an institutional system that transforms selfish motives of the subjects’ behavior into altruistic ones. But the realistic view proceeds from models of political behavior that focus on the selfish motivation of behavior. This proves that the model of economic person is more realistic under certain conditions when considering the behavior of political subjects

Key words: parliamentarism; methodology; research strategies; approaches; theory of public choice; lobbyism; selfishness; altruism; positivism; rationality

Введение. Парламентаризм представляет собой одно из сложнейших общественно-политических явлений. Его нередко отождествляют с самим парламентом, с парламентской формой правления, смешивают с политическим режимом и даже с принципом разделения властей. Наиболее характерным является отождествление парламентаризма с представительным органом. Парламентаризм представляет собой устойчивую совокупную взаимосвязь основополагающих начал организации и функционирования государственной власти в стране, где парламенту отводится роль общегосударственного органа народного представительства, в компетенцию которого входит совокупность полномочий по принятию нормативных правовых актов государства высшей юридической силы [8].

Методология исследования. При избрании методологии исследования парламентаризма возникает ряд объективных препятствий. Прежде всего, это отсутствие общего понимания самого парламентаризма. В каждой из стран сложилась своя модель парламентской практики. Между ними имеются различия и особенности в вопросах статуса, пределов полномочий, принципов, организационно-правовых механизмов формирования депутатского корпуса. Общим является то, что в любой стране парламент и парламентаризм — это сложная и постоянно развивающаяся система. Каждый ее компонент выполняет свою функцию, подчиняется общим правилам и требованиям. В ней нет второстепенных элементов, все важны и значимы. Эффективность всей государственной власти определяется надежностью парламентских институтов, то есть парламентаризмом как системой общественных отношений и ценностей [17].

Исследование проблем парламентаризма с помощью методов лишь одной из общественных наук малоэффективно. Поэтому методология политологического исследования должна включать методы политологии, экономики, социологии, права, истории и т.д. Н. А. Сатвалдиев систематизирует методологию, используемую в исследованиях

различных аспектов парламентаризма. Это междисциплинарный подход, системный, социологический, институциональный, исторический, психологический, нормативно-ценностный, функциональный, деятельностный, критически-диалектический, сравнительный (компаративистский) и другие методы [Там же]. Автор считает, что в настоящее время выработан обширный методологический аппарат, способствующий проведению различных типов теоретических и прикладных исследований. Все это традиционные на постсоветском пространстве методы.

Если в стране нет закона о лоббировании, то это не значит, что нет теневого лоббизма. В связи с этим предлагаем рассмотреть возможности теории общественного выбора в исследованиях парламентаризма. Изначально теория изучала политический механизм формирования макроэкономических решений. В дальнейшем ее сфера была расширена [18].

Существует *две альтернативные стратегии исследований*. Первая заключается в отказе от инструментария формального анализа в пользу менее строгих, описательных методов, позволяющих учесть влияние политических факторов.

Вторая стратегия связана с непосредственным инкорпорированием политических факторов в систему формального анализа с помощью методологических подходов, свойственных современной теории общественного выбора. Достоинство этой стратегии заключается в том, что ее использование позволяет смягчить противоречие между точностью и реалистичностью. В основе данной стратегии лежит распространение базовых принципов экономического подхода на анализ политических процессов и феноменов [1. С. 75].

В теории анализируется поведение людей с точки зрения их экономической мотивации, заключающейся в стремлении к максимизации полезности. Это основа современной *теории общественного выбора*, исследующей закономерности принятия решений путем применения инструментов экономического анализа для изучения про-

блем, традиционно относящихся к политической науке [31]. Эту теорию иногда называют «экономической теорией политики». Такое сопоставление становится возможным благодаря наличию в ней ряда фундаментальных особенностей: для описания поведения человека в политической сфере используются те же гипотезы, что и в неоклассической экономической теории; процесс выявления предпочтений индивидов часто понимается в терминах рыночного взаимодействия; исследуются вопросы, аналогичные тем, которые возникают в неоклассической экономической теории, т.е. вопросы о существовании, стабильности и эффективности политического равновесия, путях его достижения и т.д. [26. С. 207].

В теории общественного выбора выделяются *два альтернативных подхода* к изучению политических явлений, акцентирующих внимание на различных аспектах процесса принятия коллективных решений.

Первый подход концентрирует внимание на вероятностном характере коллективного выбора, происходящего в политической сфере в целом и Парламенте, в частности. Он отводит центральную роль определению условий максимизации числа сторонников того или иного варианта решения. В. Хеттих и С. Вайнер назвали этот подход EVM (условия максимизации голосования) [22; 24]. С его помощью возникает возможность анализировать особенности долгосрочного политического равновесия, т.е. комплекса мероприятий, который проводится в жизнь благодаря выявлению предпочтений политиков, парламентариев либо граждан.

Во втором подходе значение придается конкретным аспектам принятия политических решений и институтам, в рамках которых они принимаются. Политические процессы рассматриваются через специфические правила и процедуры принятия политических решений, а также через возможные варианты их изменений в интересах общества или отдельных групп. Подход называется *SIE* (структурно обусловленное равновесие).

Такое равновесие характеризуется ярко выраженной тенденцией к нестабильности. В качестве наиболее типичных причин нестабильности обычно называют феномен нетранзитивности коллективных предпочтений и сопряженную с ним проблему процедурного манипулирования. К такому манипулированию можно отнести политический фетишизм, представляющий собой одну из форм фетишизма, массовых иллюзий парламентариев или общества; одно из проявлений основного заблуждения массового сознания; уверенность, что спасение общества в правильных политических решениях, которые могут быть обеспечены осознавшим свою ответственность высшим руководством. Политический фетишизм ориентирует людей на определенные политические формы, например многопартийность, самоуправление на производстве и т.д., игнорируя тот факт, что сами эти формы невозможны без определенных культурных предпосылок и развития соответствующего менталитета [16].

Проблема заключается в том, что в условиях нетранзитивности коллективных предпочтений те субъекты, которые определяют процедуру принятия решений, добиваются одобрения большинством того варианта решения, который выгоден именно им [25. С. 472–482]. Самыми относительно легитимными путями достижения этими субъектами целей являются выбор конкретной формулировки обсуждаемых вопросов, определение их совокупности (добавление или исключение частных альтернатив), установление конкретной последовательности их рассмотрения и т.д.

Существует подход к изучению политических явлений, альтернативный подходу, основывающемуся на экономической теории благосостояния. Данный подход характеризуется с позиций субъекта социального планирования (SP) и ограничивает использование принятой в современной (неолиберальной) экономической теории модели человека, которая постулирует, что решения индивидов диктуются исключительно стремлением к максимизации собственного благосостояния. В подходе SP в отношении

политической деятельности людей в качестве главного ее мотива рассматривается стремление к повышению благосостояния всех членов общества. Напротив, для подходов EVM и SIE характерно распространение стандартной модели «человека экономического» на область анализа политических процессов и феноменов: предполагается, что при принятии решений в политической сфере индивиды руководствуются собственными интересами, а не интересами других лиц или общества [1. С. 77].

Каждый из трех подходов имеет собственную сферу анализа:

1) подход SP исходит из того, что политика осуществляется субъектами, находящимися вне экономической системы, в соответствии с их стремлением к максимизации общественной функции благосостояния;

2) в рамках подхода EVM все цели политики понимаются как внутрисистемно определяемые, благодаря чему центральное значение приобретает изучение поведения субъектов, руководствующихся соображениями собственного интереса и налагаемыми на них ограничениями;

3) в подходе SIE главным объектом исследования являются особенности политических институтов и существующих правил принятия решений. Анализ при этом фокусируется на возможностях и вариантах изменения данных институтов и правил, которые имеют последствия для функционирования системы в целом.

Основные отличия подходов заключаются в специфических целях, характере выводов и рекомендаций. Главной целью исследований в традициях подхода SP является оценка политических решений и предоставление рекомендаций по выбору мероприятий, оптимальных с точки зрения задачи максимизации благосостояния общества. Подход EVM дает возможность определить зависимость характеристик политического равновесия от различных систем институтов и экзогенных воздействий. В практическом плане этот подход позволяет делать выводы о совместимости предлагаемых мероприятий с существую-

щей политической системой. Подход SIE направлен на решение специфических проблем, касающихся создания и изменения системы политических институтов и правил принятия решений, выявления закономерностей их функционирования и возможностей использования.

Одной из ключевых особенностей теории общественного выбора является использование концепции «экономического человека» (*homo economicus*) [6; 23. С. 84]. Это позволяет экономистам моделировать политическую сферу как политический рынок, к которому применяется инструментальный анализ условий и характеристик равновесия.

Дж. Стиглер писал о том, что характер политического вмешательства определяется не тем, что так требует рынок или защита общественных интересов, а тем, что это необходимо и выгодно каким-то группам лиц или отраслям. Он показал, что лоббирование интересов отдельных отраслей или профессиональных групп, извлекающих из политики свои выгоды, связано с политическим устройством общества, с демократией и манипулированием голосами избирателей. Дж. Стиглер выделял два мотива политического поведения: мотив потребления и инвестиционный мотив [29. С. 91–106].

Содержание мотива потребления заключается в том, что индивиды, совершая определенные действия в политической сфере, могут испытывать удовлетворение от совершения поступков, содействующих принятию соответствующих политических решений, не связанных с экономической заинтересованностью их самих.

Инвестиционный мотив предусматривает, что индивид, участвующий в политической сфере, руководствуется исключительно собственными интересами, преследуя цель максимизации собственного богатства и дохода. Этот мотив имеет приоритетное значение при использовании теории общественного выбора для анализа политического поведения. По мнению Дж. Стиглера; «инвестиционный мотив имеет множество эмпирических следствий, чего нельзя сказать о мотиве потребления» [Там же].

Одна из основных методологических задач исследования заключается в характеристике конкретных аспектов приложения модели экономического человека для анализа поведения субъектов принятия политических решений. Оптимальной стратегией поведения индивида в политическом процессе может стать рациональный абсентеизм, предполагающий факт, утверждающий, что если личный вклад индивида в достижение цели слишком незначителен, чтобы повлиять на конечный результат, то индивид может отказаться нести соответствующие издержки, рассчитывая, что желаемый результат может быть достигнут усилиями других и ему удастся бесплатно воспользоваться плодами их деятельности.

В своих трудах ученые Дж. Бьюкенен и Д. Бреннан раскрыли содержание нового, возникшего в 70-е гг. XX в. направления экономической мысли — конституционной политической экономии. В ней анализируется не традиционный выбор человека в рамках существующих ограничений, а рациональный выбор самих ограничений в виде конституционных правил. Труды Нобелевского лауреата Дж. Бьюкенена раскрывают содержание экономического подхода к конституционному политическому порядку, его становлению и изменению. Конституционные правила рассматриваются как необходимые ограничения на пути экспансии государства, «поглотившего» в XX в. рыночный порядок и гражданское общество. Дж. Бьюкенен размышляет о гарантиях суверенных прав индивидов, сохранности прав собственности и условий эффективной работы рынков с экономической, юридической, политологической и философской точек зрения [3].

Д. Норт писал об экспрессивистских факторах, которые все же «согласуются с концепцией экономического человека, если вспомнить о мотиве потребления в политической деятельности» [14. С. 77].

Важное значение в исследовании политической сферы имеет понятие «лоббирование». В теории общественного выбора этот термин употребляется для обозначения всякого целенаправленного воздействия со

стороны группы на процесс принятия политических решений. Этим группам, которые еще называют группами давления, отводится деятельная роль инициатора государственных мероприятий.

Данное направление исследований связано с именами Дж. Стиглера и С. Пильзмена, давшими в середине 70-х гг. XX в. развернутую характеристику влияния групп давления на принятие решений, касающихся регулирования сферы их деятельности [27. С. 211–244; 30. С. 114–141]. Утверждается, что экономические субъекты используют имеющиеся у них ресурсы для борьбы за доступ к предоставляемым государством привилегиям, трансфертам дохода и другим источникам повышения благосостояния при помощи политической сферы. Происходит диверсификация деятельности в соответствии со специфическими особенностями, свойственными экономической и политической сферам. В экономической сфере осуществляется создание доходов, а в политической — их перераспределение [10. С. 44–58].

«Объектом обмена на экономических рынках являются блага в форме товаров и услуг, в то время как на политических рынках блага выступают в форме трансфертов богатства» [27. С. 212]. Соответственно, основным мотивом воздействия групп давления на процесс принятия политических решений является стремление к извлечению политической ренты, т.е. доходов рентного характера, связанных с перераспределением государством прав собственности на экономические блага и финансовые потоки.

Цель лоббистской деятельности состоит в обработке субъектов принятия политических решений экономическими субъектами, которые любыми способами стремятся к максимизации дохода в рамках институциональных и ресурсных ограничений. Естественно, что «политическая мощь группы, т.е. ее способность воздействовать на процесс принятия политических решений, зависит от объема ресурсов, направляемых ею на лоббирование» [30. С. 138]. Однако сама группа состоит из отдельных

экономических субъектов, являющихся элементарными поведенческими единицами. В соответствии с методологией теории неоклассицизма отношения между этими единицами строятся на принципах методологического индивидуализма.

Принцип методологического индивидуализма в экономической теории тесно связан с рациональностью экономического человека (все анализируемые явления объясняются только как результат целенаправленной деятельности индивидов). Этот принцип, сформулированный К. Менгером [9] и его учениками [2], впервые подробно описан Й. Шумпетером [28]. Принцип методологического индивидуализма в экономической науке представляет собой больше чем рабочую гипотезу: это составная часть либерального символа веры, унаследованного от английской классической школы, в котором огромная ценность придается личной свободе и независимости от внешних воздействий [21. С. 9–10].

М. Олсон исследовал особенности индивидуальных действий в рамках теории рационального выбора в поведении групп в работе «Логика коллективных действий» [15]. Исходным пунктом использования концепции рационального максимизатора для анализа группового поведения является представление о том, что «с точки зрения индивидуального члена группы те выгоды, которые он может получить в результате её деятельности, по большей части, носят характер общественных благ, потребление которых невозможно ограничить кругом членов группы, реально принимавших участие в финансировании их предоставления. Хотя все члены группы имеют общую заинтересованность в получении общественного блага, никто не хочет брать на себя издержки по его предоставлению. Каждый хочет, чтобы платил кто-то другой» [Там же]. Индивидуальный член группы вносит свой вклад в финансирование лоббирования только в том случае, если он ожидает повышенную компенсацию от прироста достигающихся ему выгод вследствие повышения эффективности деятельности группы. Это означает, что чем боль-

ше группа и, следовательно, чем меньше влияние индивидуального вклада на индивидуальный выигрыш, тем меньший объем ресурсов она сможет мобилизовать на добровольных началах и тем дальше от группового оптимума будет объем предоставления общественных благ.

В конце XX в. вера ученых, занимающихся политико-управленческими проблемами, в рациональную природу политических решений ослабла. Тем не менее в этот период продолжала активно развиваться группа концепций, созданных в рамках различных версий теории рационального выбора [19], объединяемых под общим названием «*модель всеобъемлющей рациональности*» (*comprehensive rationality*).

Исследования влияния групп на формирование политики до настоящего времени базируются на постулатах теории коллективного поведения М. Олсона в неизменном виде. Это связано с тем, что основными членами групп давления являются экономические субъекты, основной целью деятельности которых является максимизация прибыли.

Деятельность государства в теории политики анализируется при помощи *модели «политического человека»*. «Политическим» человек становится тогда, когда он вступает в отношения с властью по поводу своих гражданских прав и обязанностей, свободы передвижения и свободы совести, когда он становится избирателем или избираемым. Каждый человек может либо осуществлять властные полномочия, либо повиноваться власти. Средствами труда в политике являются различные варианты воздействия на общество и государство. К ним относятся интеллектуальная экспансия, правовое регулирование, экономическое принуждение и физическое насилие. Политика выбирает между ними и их сочетаниями вследствие того, что другие средства являются частными случаями перечисленных [20].

Предполагается, что основной задачей политической сферы общества является повышение экономического благосостояния его членов путем устранения отрица-

тельных и генерирования положительных эффектов, предоставления общественных благ, преодоления кризисных явлений и т.д.

В соответствии с традиционной концепцией, решения государства, максимизирующие функцию его полезности, совпадают с функцией полезности всего общества. Однако такая предпосылка имеет противоречия с точкой зрения принципа методологического индивидуализма. По аналогии с анализом поведения групп давления в качестве действующих лиц выступают только индивиды, а не организации, которые они представляют. Сами по себе организации функцию полезности не имеют.

Данное предположение вызывает необходимость рассмотрения не целей государства, а целей индивидуальных субъектов принятия решений, которые могут отклоняться от курса действий, оптимального с точки зрения общества [7].

По мнению К. Эрроу, общественная функция благосостояния носит субъективный характер и объективно не существует отдельно по отношению к выносящему о ней суждение. Политик, настроенный альтруистически, руководствуется собственными представлениями об общественном благе, а граждане оценивают его способность максимизировать функцию благосостояния, которая характерна для представляемого им общества [5].

Таким образом, позитивистский взгляд на функционирование политической сферы общества предполагает наличие институциональной системы, трансформирующей эгоистические мотивы поведения субъектов в альтруистические. Однако взгляд реалистический исходит из моделей политического поведения, сосредотачивающихся именно на эгоистической мотивации поведения, т.е. модель экономического человека в определенных условиях более реалистична при рассмотрении поведения политических субъектов. Встраивание этических императивов в парадигму общественного выбора происходит без отказа последнего от своих методологических принципов: этика должна стать составной частью эгоистического индивидуального интереса [11. С. 54].

Теоретики общественного выбора (как и рационального выбора в целом) все чаще обращаются к проблемам ценностного обоснования индивидуального решения, а также важности существования конституционных установлений, юридических, организационных и других ограничителей для нормального функционирования политических институтов [4. С. 46–52].

Теория общественного выбора внесла определенную методологию в эмпирически ориентированную традицию политической науки. Ее логически-дедуктивная основа говорит о намерении добиться научной достоверности и делает возможным переход от предположений относительно индивидуальных целей к гипотезам относительно того, как эти цели работают в конкретных условиях. Методология нацеливает на серьезные исследования, позволяет выявлять закономерности, выдвигать новаторские теории, объясняющие алгоритмы действий в ситуациях, когда цели факторов ясно обозначены [12; 13].

Слабость методологии состоит в том, что постулаты и гипотезы, заимствованные из рыночной экономики, взятые сами по себе, не перспективны для адекватного объяснения политического поведения. Они нуждаются в таком использовании, которое примирило бы эгоистические и принципиальные основы политической и управленческой деятельности. Исследователь, ограничивающий свою методологию тезисом о «рациональном эгоисте», не сможет проникнуть в сущность природы политических решений [5].

В то же время сфокусированность исследователей-позитивистов на таких вопросах, как влияние на политический процесс последствия лоббирования и политической деятельности групп интересов, имеет практическое значение для парламентаризма. Понимание того, что при данном подходе переоценивается рационально-эгоистическое начало и игнорируются социально-исторические факторы политического поведения индивидов, не должно мешать использованию наиболее ценных гипотез и теорий [11. С. 55–56].

Выводы. Таким образом, пока идеал построения высокоморального общества не достигнут, теория общественного выбора может являться эффективным инструментом в исследованиях как парламентаризма, так и политических процессов в целом.

Список литературы

1. Афонцев С. А. Методологические основы современного экономико-политического анализа // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М.: ГУ-ВШЭ. 1998. Вып. 3. 512 с.
2. Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ // Австрийская школа в политической экономии. М.: Экономика, 1992. С. 243–426.
3. Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.delokniga.ru/description.aspx?product_no=373857 (дата обращения: 12.12.2017).
4. Бьюкенен Дж. Политическая экономия государства благосостояния // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 5. С. 46–52.
5. Иванов С. Г. Влияние глобальных акторов на экономическую политику постсоветских стран (на примере Кыргызской Республики): дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. Бишкек, 2010. 401 с.
6. Капеллошников Р. И. В наступлении homo oeconomicus // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 4. С. 46–52.
7. Кочеврин Ю. Б. Эволюция менеджизма. Опыт политико-экономического анализа. М.: Наука, 1985. 223 с.
8. Курманов И. З. Трансформация законодательной власти в Кыргызской Республике в условиях глобализации (в сравнении с зарубежными странами): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Бишкек, 2013. 224 с.
9. Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб.: Кн. маг. А. Ф. Цинзерлинга, 1894. 320 с.
10. Мелцер Э. Политический механизм и рынок: выводы для демократических государств // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 9. С. 44–58.
11. Морозова Е. Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М.: РОССПЭН, 1999. 247 с.
12. Нисканен У. Автократия, демократия и оптимальное правительство: фискальные выборы и экономические результаты. М., 2003.
13. Нисканен У. Политический анализ и общественный выбор: избранные работы. М., 1998.
14. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. № 2. С. 69–91.
15. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ikd.ru/node/96> (дата обращения: 03.12.2017).
16. Политический фетишизм [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mirslovari.com/content_fil/POLITICHESKIJ-FETISHIZM-299 (дата обращения: 10.12.2017).
17. Сатвалдиев Н. А. Межпарламентское взаимодействие в процессах Евразийской интеграции: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Бишкек, 2012. 190 с.
18. Теория общественного выбора избирателей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.grandars.ru> (дата обращения: 22.12.2017).
19. Швери Р. Теория рационального выбора: аналитический обзор [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sj.obliq.ru/article/149> (дата обращения: 18.12.2017).
20. Юрьев А. И. Человек в политике [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.azps.ru/polpsy/lib/theory_doings.html (дата обращения: 14.12.2017).
21. Etzioni F. The moral dimension: toward a new economics. New York, 1988. 300 p.
22. Hettich W., Winer S. L. Economic efficiency, political institutions and policy analysis // Kyklos. 1993. Vol. 46. P. 3–25.
23. Knight F. H. Ethics and economic reform. Freedom and reform: essays in economics and social philosophy. New York, 1947.
24. Magee S. P., Brock W. A., Young L. Black hole tariffs and endogenous protection theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
25. Mc. Kelvey R. D. Intransitivities in multidimensional voting models and some implications for agenda control // Journal of Economic Theory. 1976. Vol. 12. P. 472–482.
26. Mueller D. Public choice theory // Companion to Contemporary Economic Thought. London; New York: Routhledge, 1991.

27. Peltzman S. Toward a more general theory of regulation // Journal of Law and Economics. 1976. Vol. 19. no. 2. P. 211–240.
28. Schumpeter J. A. History of economic analysis. London, 1986.
29. Stigler G. J. Economic competition and political competition // Public Choice. 1972. Vol. 13. P. 91–106.
30. Stigler G. J. The theory of economic regulation // The citizen and the state: essays on regulation. Chicago; London: University of Chicago Press, 1975. 221 p.
31. Tullock G. Public choice [Электронный ресурс] // The New Palgrave Dictionary of Economics. Режим доступа: http://www.gmu.edu/jbc/faculty_bios/gtullock.html (дата обращения: 22.12.2017).

References

1. Afontsev S. A. *Istoki: voprosy istorii narodnogo hozyaystva i ekonomicheskoy mysli* (Origins: questions of the history of the national economy and economic thought). Moscow: SU-HSE, 1998. Issue 3. 512 p.
2. Böhm-Bawerk E. *Avstriyskaya shkola v politicheskoy ekonomii* (The Austrian School in Political Economy). Moscow: Economics, 1992. P. 243–426.
3. Brennan J., Buchanan J. *Prichina pravil. Konstitutsionnaya politicheskaya ekonomiya* (The Cause of the Rules. Constitutional political economy). Available at: http://www.delokniga.ru/description.aspx?Product_no=373857 (Date of access: 12.12.2017).
4. Buchanan J. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* (World economy and international relations), 1996, no. 5, pp. 46–52.
5. Ivanov S.G. *Vliyaniye globalnykh aktorov na ekonomicheskuyu politiku postsovetских stran (na primere Kyrgyzskoy Respubliki): dis. ... d-ra polit. nauk: 23.00.04* (The influence of global actors on the economic policies of the post-Soviet countries (on the example of the Kyrgyz Republic): dis. ... dr. polit. sciences: 23.00.04). Bishkek, 2010. 401 pp.
6. Kapelyushnikov R. I. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* (World Economy and international relations), 1989, no. 4, pp. 46–52.
7. Kochevrin Yu. *Evolyutsiya menedzherizma. Opyt politiko-ekonomicheskogo analiza* (Evolution of managerialism. Experience of political and economic analysis). Moscow: Nauka, 1985. 223 p.
8. Kurmanov I. Z. *Transformatsiya zakonodatelnoy vlasti v Kyrgyzskoy Respublike v usloviyah globalizatsii (v sravnenii s zarubezhnyimi stranami): dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.04* (Transformation of the legislative power in the Kyrgyz Republic in the context of globalization (in comparison with foreign countries): dis. ... cand. polit. Sciences: 23.00.04). Bishkek, 2013. 224 p.
9. Menger K. *Issledovaniya o metodah sotsialnykh nauk i politicheskoy ekonomii v osobennosti* (Studies on the methods of social sciences and political economy in particular). St. Petersburg: Book of the mag. A. F. Tsinslering, 1894. 320 p.
10. Melzer E. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* (World Economy and international relations), 1991, no. 9, pp. 44–58.
11. Morozova E. G. *Politicheskii rynek i politicheskii marketing: kontseptsii, modeli, tekhnologii* (Political market and political marketing: concepts, models, technologies). Moscow: ROSSPEN, 1999. 247 p.
12. Niskanen U. *Avtokratiya, demokratiya i optimalnoe pravitelstvo: fiskalnye vybory i ekonomicheskie rezultaty* (Autocracy, democracy and optimal government: fiscal elections and economic results). Moscow, 2003.
13. Niskanen U. *Politicheskii analiz i obshchestvennyy vybor: izbrannyye raboty* (Political analysis and public choice: selected works). Moscow, 1998.
14. North D. *THESIS (THESIS)*, 1993, no. 2, pp. 69–91.
15. Olson M. *Logika kollektivnykh deystviy. Obshchestvennyye blaga i teoriya grup* (Logic of collective action. Public goods and group theory). Available at: <http://www.ikd.ru/node/96> Date of access: 03.12.2017).
16. *Politicheskii fetishizm* (Political fetishism). Available at: http://www.mirslovarei.com/content_fil/POLITICHESKIY-FETISHIZM-299 (Date of access: 10.12.2017).
17. Satvaldiev N. A. *Mezhparlamentskoe vzaimodeystvie v protsessah Evraziyskoy integratsii: dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.04* (Inter-parliamentary interaction in the processes of the Eurasian integration: dis. ... cand. polit. sciences: 23.00.04). Bishkek, 2012. 190 p.
18. *Teoriya obshchestvennogo vybora izbirateley* (Theory of public choice of voters). Available at: <http://www.grandars.ru> (Date of access: 22.12.2017).
19. Schwer R. *Teoriya ratsionalnogo vybora: analiticheskii obzor* (Theory of rational choice: an analytical review). Available at: <http://www.sj.obliq.ru/article/149> (Date of access: 18.12.2017).
20. Yuryev A. I. *Chelovek v politike* (A person in politics) Available at: http://www.azps.ru/polpsy/lib/theory_doings.html (Date of access: 14.12.2017).
21. Etzioni F. *The moral dimension: towards a new economics* (The moral dimension: towards a new economics). New York, 1988. 300 p.

22. Hettich W., Winer S. L. *Kyklos* (Kyklos), 1993, vol. 46, pp. 3–25.
23. Knight F. H. *Ethics and economic reform. Freedom and reform: essays in economics and social philosophy* (Ethics and economic reform. Freedom and reform: essays in economics and social philosophy). New York, 1947.
24. Magee S. P., Brock W. A., Young L. *Black hole tariffs and endogenous protection theory* (Black hole tariffs and endogenous protection theory). Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
25. Mc. Kelvey R. D. *Journal of Economic Theory* (Journal of Economic Theory), 1976, vol. 12, pp. 472–482.
26. Mueller D. *Companion to Contemporary Economic Thought* (Companion to Contemporary Economic Thought). London; New York: Routhledge, 1991.
27. Peltzman S. *Journal of Law and Economics* (Journal of Law and Economics), 1976, vol. 19, no. 2, pp. 211–240.
28. Schumpeter J. A. *History of economic analysis* (History of economic analysis). London, 1986.
29. Stigler G. J. *Public Choice* (Public Choice), 1972, vol. 13, pp. 91–106.
30. Stigler G. J. *The citizen and the state: essays on regulation* (The citizen and the state: essays on regulation). Chicago; London: University of Chicago Press, 1975. 221 p.
31. Tullock G. *The New Palgrave Dictionary of Economics* (The New Palgrave Dictionary of Economics). Available at: http://www.gmu.edu/jbc/faculty_bios/gtullock.html (Date of access: 22.12.2017).

Коротко об авторе

Briefly about the author

Шаболотов Тажимамат Тайгарасевич, д-р полит. наук, и.о. профессора, заместитель руководителя аппарата Жогорку Кенеша (Парламента) Кыргызской Республики; Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики; Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики; Бишкекский гуманитарный университет им. К. Карасаева; Кыргызский национальный аграрный университет им. К. И. Скрябина, г. Бишкек, Кыргызская Республика. Область научных интересов: парламентаризм, демократия, миграция
shat105@mail.ru

Tazhimamat Shabolotov, doctor of political sciences, acting professor, Deputy Head of the Office of the Jogorku Kenesh (Parliament) of the Kyrgyz Republic; Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic; Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic; Bishkek Humanitarian University named after K. Karasayeva; Kyrgyz National Agrarian University named after K. I. Skryabin, Bishkek, Kyrgyz Republic. Sphere of scientific interests: parliamentarism, democracy, migration

Образец цитирования

Шаболотов Т. Т. Возможности теории общественного выбора в исследованиях парламентаризма в постсоветских странах // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 2. С. 81–90. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-81-90.

Shabolotov T. Possibilities of public choice theory in studies of parliamentarism in post-Soviet countries // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 2, pp. 81–90. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-81-90.

Статья поступила в редакцию: 05.02.2018 г.

Статья принята к публикации: 27.02.2018 г.

